

Катерина Файн

Тонька – золотая сумка
пьеса в двух действиях

Санкт-Петербург, 2015

Действующие лица:

ТОНЬКА – воровка, аферистка

МИША – вор

САША – вор

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ – фальшивомонетчик

АННА СЕРГЕЕВНА – вдова ювелира

АНДРЕЙ – скульптор

НАТАЛЬЯ – аспирантка

ПЕРВЫЙ ВРАЧ

ВТОРОЙ ВРАЧ

Первое действие

Сцена первая

Лестничная площадка обычного дома. Посредине лифт. Левая и правая кулисы – входные двери квартир. Одна из них принадлежит Максиму Петровичу.

Вечер. Шум поднимающегося лифта. Двери открываются, и мы видим, как Миша и Саша выносят из него связанную девушку с кляпом во рту – Тоньку. Кладут ее у двери Максима Петровича. Девушка весьма привлекательна, одета в полупрозрачное платье, через плечо перекинута сумочка золотого цвета.

С а ш а. Порядок.

М и ш а. Тяжеленная, блин. Беременная она, что ли?

С а ш а. Неудачная шутка.

М и ш а. А что я такого сказал? Как будто ты с ней не...

С а ш а (*перебивая*). Ладно, пошли.

Миша звонит в дверь, парни скрываются в лифте. Свет на мгновение гаснет. Когда зажигается вновь, у двери квартиры стоит Максим Петрович в халате. Он крайне удивлен, возбужден, нервничает, и не знает, как себя вести.

М а к с и м П е т р о в и ч. Ох... Ах... Как же это... Что же это... (*ходит кругами, боится прикоснуться*). Мама дорогая! (*хватается за сердце*). Что делать-то? Куда звонить? В скорую? В полицию? (*пугается собственных слов*). Ой, нет, не надо в полицию... (*хочет хлопнуть Тоньку по щекам, но быстро отдергивает руку*). Главное руками ничего не трогать, а то ведь отпечатки пальцев останутся. Потом поди, докажи... Нет, ну это ж надо, а! Только сейчас по телевизору труп молодой женщины показали. И тут – здарсьте тебе! Вот, что значит дверь без домофона! Третий день починить не могут!

Тонька открывает глаза, мычит.

М а к с и м П е т р о в и ч (*отшатнувшись*). Ой! Вы живая? Какое счастье, слава богу! Я уж подумал, что вы... того... Вы говорить можете?

Тонька, мычит.

М а к с и м П е т р о в и ч. Ах, да! Сейчас, сейчас... (*вытаскивает кляп*).

Т о н ь к а. Воды... Дайте воды...

Максим Петрович убегает, возвращается с кружкой. Тонька жадно пьет.

Т о н ь к а. Спасибо!

М а к с и м П е т р о в и ч (*жестикулируя*). Надо вас как-то... разрезать... Э... развязать... Вам же, наверное, холодно... в одних веревках...

Т о н ь к а. Очень! Мне очень холодно и очень мерзко. А главное – стыдно.

Максим Петрович убегает, возвращается с ножницами. Перерезает веревки, освобождает Тоньку.

М а к с и м П е т р о в и ч. Ну, вот... Готово!

Т о н ь к а (*выпутываясь*). Огромное вам спасибо! Апчхи!

М а к с и м П е т р о в и ч. Будьте здоровы! Все-таки, простудились, пока на полу лежали?

Т о н ь к а. Нет, это я раньше, когда холодильник размораживала.

М а к с и м П е т р о в и ч. Как вы неосторожны... (*пауза*). Ну, а это? (*показывает на веревки*). Вы знаете, кто вас так не любит?

Т о н ь к а. Знаю. Конкуренты.

М а к с и м П е т р о в и ч. Кто?!

Т о н ь к а. Долго объяснять.

М а к с и м П е т р о в и ч. Понимаю...

Т о н ь к а. Боюсь, что нет.

М а к с и м П е т р о в и ч. Вам угрожают?

Т о н ь к а. Мне? Ну, что вы!

М а к с и м П е т р о в и ч. Может, это какой-то намек?

Т о н ь к а. Не гадайте. Все нормально. Вы не могли бы пустить меня в квартиру? Мне надо привести себя в порядок, помыть лицо, руки... Да и согреться хочется...

М а к с и м П е т р о в и ч. В квартиру? (*пауза*). А вас точно не захотят...

Т о н ь к а. Что? Убить?

М а к с и м П е т р о в и ч. Боже сохрани! Найти и... снова связать, например?

Т о н ь к а. Нет, можете не волноваться. Все под контролем.

М а к с и м П е т р о в и ч. Вообще-то, я никого к себе не зову... Почти никого. Ну, раз такая история... входите...

Тонька и Максим Петрович заходят в квартиру, свет гаснет.

Сцена вторая

Квартира Максима Петровича. Довольно уютная комната старого холостяка. Помимо стандартного набора мебели (стол, стул, кресло, сервант, книжный шкаф), мы видим стену, сплошь увешанную орденами и медалями. Возле некоторых орденов висят удостоверения. Наш хозяин – человек крайне педантичный, все вещи в его доме лежат строго на своих местах.

М а к с и м П е т р о в и ч. Что ж – в дом вы вошли, а я даже не знаю вашего имени...

Т о н ь к а. Зовите меня Софья Ивановна.

М а к с и м П е т р о в и ч. Как?! (*смеется*). Боже, какая Ивановна?! Вы же почти дитя! Небось, школу только-только закончили? Я буду звать вас Соня. Можно?

Т о н ь к а. Можно. А вас как величать? (*подходит к стене с орденами*). Максим Петрович?

М а к с и м П е т р о в и ч. Совершенно верно. (*достает из шкафа полотенце*). Ванна справа. Мыло только жидкое. Полотенце лучше повесить на крючок, потому что с батареи оно может упасть на пол. И не забудьте погасить свет, когда умоетесь.

Т о н ь к а. Такое исчерпывающее напутствие... Я бы даже сказала – путеводитель для принимающих душ.

М а к с и м П е т р о в и ч. А вы хотите в душ?

Т о н ь к а. Честно – не отказалась бы.

М а к с и м П е т р о в и ч. Боюсь, не получится. Сегодня там что-то булькнуло и отвалилось. Я вызвал сантехника.

Т о н ь к а. А... так сейчас придет сантехник?

М а к с и м П е т р о в и ч. К сожалению, только завтра.

Т о н ь к а. Ясно.

М а к с и м П е т р о в и ч. Но если вам так необходимо помыться целиком, если больше нигде, я могу...

Т о н ь к а (*игриво*). Что? Полить мне из ковшика?

М а к с и м П е т р о в и ч (*краснея*). Ну, что вы... Вызвать мастера за деньги, и он прибежит через полчаса...

Т о н ь к а. Нет, нет! Не нужно. Я обойдусь. Правда. Большое спасибо. Я скоро вернусь.

Тонька исчезает. Максим Петрович некоторое время ходит по комнате, по-прежнему не зная, как себя вести: поочередно садится то в кресло, то на стул. Наконец решается на маленький праздник – достает из серванта парадную скатерть, вино, два бокала, коробку конфет. Сервирует стол, обходя его несколько раз со всех сторон. Появляется Тонька.

Т о н ь к а. О, у нас будет пир? Какая интересная скатерть!

М а к с и м П е т р о в и ч. Нравится? У вас хороший вкус. Она вышита золотыми нитками, я купил ее на одном аукционе. Даже не буду называть цену. Чтобы вас не смущать. (*разливает вино*).

Т о н ь к а. А вот это жаль! *(смеется)*. Очень интересно!

М а к с и м П е т р о в и ч *(поднимая бокал)*. Ну, что – за вас, милая Соня!

Т о н ь к а. Давайте лучше за нас. И за ваш прекрасный дом! *(выпивает)*.

М а к с и м П е т р о в и ч. «За нас» обычно пьют близкие люди. Ну, или, когда есть надежда на продолжение знакомства...

Т о н ь к а. А вы не верите в продолжение?

М а к с и м П е т р о в и ч. Даже не знаю. Все так внезапно... *(выпивает)*.

Т о н ь к а. А ваша жизнь, конечно, строго регламентирована? В ней все предусмотрено, и совсем не бывает приключений?

М а к с и м П е т р о в и ч. Да как вам сказать... В последние годы моя жизнь достаточно предсказуема. Хотя... случаются варианты.

Т о н ь к а. Вот и у меня случаются. *(пауза)*. Вы все еще боитесь моих веревок?

М а к с и м П е т р о в и ч. Уже нет.

Т о н ь к а. Вам не стоит меня опасаться. Я всего лишь секретарша. Работаю в туристической фирме. С девяти до шести. Но иногда приходится оставаться допоздна. Я очень устаю, и давно уже забыла про личную жизнь. Мой начальник – абсолютный тиран. Идиот и самодур. Человек, который выносит мозг одним своим взглядом. Он не претендует на чье-либо тело, но душу выворачивает наизнанку. Орет, даже если дырокол лежит ни справа, а слева от меня. Эти бесконечные придирки убили уже половину коллектива. Однажды я не выдержала, и, в знак протеста, примотала его автомобиль пищевой пленкой к фонарному столбу. Пару дней он соображал, кто это мог сделать. Потом догадался отсмотреть камеру видеонаблюдения. Естественно, пришел в ярость, и решил мне отомстить.

М а к с и м П е т р о в и ч. Ничего себе! Так это у вас производственная драма.

Т о н ь к а. Скорее, травма.

М а к с и м П е т р о в и ч. А вы что-то говорили про конкурентов.

Т о н ь к а. Говорила. Он нанял охранников соседней турфирмы, они связали меня, и подкинули под вашу дверь. Собственно, им было все равно, куда меня кидать. Спасибо, что не в речку.

М а к с и м П е т р о в и ч. Вы отважная девушка. Но как же вы теперь явитесь на работу?

Т о н ь к а. Обыкновенно. Мы с начальником квиты, я думаю.

М а к с и м П е т р о в и ч. А вы не хотите уволиться? Вдруг ваш начальник еще что-нибудь придумает?

Т о н ь к а. Пока мне платят хорошую зарплату – не хочу. Турфирмы закрываются, работа на дороге не валется... *(подходит к стене с медалями, внимательно рассматривает)*. Это все ваше?

М а к с и м П е т р о в и ч *(не без гордости)*. Это все мое.

Т о н ь к а. Надо же! «Генерал-аншефу Гладкому за особые заслуги пред отечеством в день 60-летия».

М а к с и м П е т р о в и ч. Гладкому.

Т о н ь к а. Ой, простите, пожалуйста. А орден Ушакова I степени вы в каком году получили?

М а к с и м П е т р о в и ч. Там же написано.

Т о н ь к а. Действительно... Вы служили на флоте?

М а к с и м П е т р о в и ч. Хм... Это долгая история. Я служил на секретном морском объекте.

Т о н ь к а. Понятно... Орден Трудового Красного Знамени, медаль «Участник событий в Чехословакии», орден «За помощь Осетии», орден «За веру и верность», медаль «За исполнение служебного долга за пределами отечества»...

С ума сойти! У вас богатая биография.

М а к с и м П е т р о в и ч. Да, я много повидал... А вы разбираетесь в орденах?

Т о н ь к а. Нет, абсолютно не разбираюсь.

М а к с и м П е т р о в и ч (*с подозрением*). Но при этом вы знаете, что орден Ушакова вручают за морские победы.

Т о н ь к а. Я просто предположила. Раз он был адмиралом. Ушаков.

М а к с и м П е т р о в и ч. Значит, интуиция.

Т о н ь к а. Ага. И сейчас она подсказывает, что надо выпить.

М а к с и м П е т р о в и ч (*наливает себе и Тоньке*). И все-таки, теперь только за вас! За вашу красоту, грацию. За ваше будущее! Кто знает – может, скоро вы займете место вашего начальника. А что, у вас есть главное – терпение. Терпение кошки, караулящей мышь (*смеется*).

Т о н ь к а (*чокаясь*). Максим Петрович, ну, какой из меня начальник? Спасибо, конечно, за вашу поддержку. Но... Я слишком ранима для такой работы. Я робкая, стеснительная, а там надо быть жесткой, иногда бескомпромиссной.

М а к с и м П е т р о в и ч. Но вы – человек креативный, как теперь говорят.

Т о н ь к а. Я – человек легкомысленный. (*достает из сумки косметичку, из косметички – лампочку. Запихивает лампочку себе в рот*).

М а к с и м П е т р о в и ч (*в крайнем обалдении*). Это вы зачем так делаете?!

Т о н ь к а (*извлекая лампочку изо рта*). Это я, когда сильно волнуюсь...

М а к с и м П е т р о в и ч. И что – помогает?

Т о н ь к а. Ну, да. Надо же как-то разряжаться. Я не курю, наркотики не употребляю, четки не перебираю, пью мало...

М а к с и м П е т р о в и ч. А вы когда-нибудь видели себя с этой лампочкой во рту? В зеркале?

Т о н ь к а. Конечно.

М а к с и м П е т р о в и ч. Выглядит весьма... своеобразно.

Т о н ь к а. Правда?

М а к с и м П е т р о в и ч. Впрочем, я не знаю. Теперешняя молодежь такая непредсказуемая, с таким вызовом...

Т о н ь к а. Это вам только кажется. Вспомните себя в двадцать лет.

М а к с и м П е т р о в и ч (*улыбаясь*). Ну, вы сравнили... Мы как-то поспокойнее были.

Т о н ь к а. Ой, так я и поверила!

М а к с и м П е т р о в и ч. Да. Занимались наукой, строили БАМ, верили в идеи коммунизма, кстати сказать.

Т о н ь к а. А в свободное время торчали в библиотеках?

М а к с и м П е т р о в и ч. Ну, почему? Ходили в кино, на танцы... Знаете, как раньше танцпол назывался?

Т о н ь к а. Не знаю.

М а к с и м П е т р о в и ч. Танцплощадка.

Т о н ь к а. Что вы говорите?

М а к с и м П е т р о в и ч. Представьте себе! На сцене выступали разные ВИА: «Пламя», «Самоцветы», а мы под них... ох, как отплясывали! (*напевает, пританцовывая*). «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз». И, откровенно говоря, если уж совсем начистоту... мы тогда тоже давали жару!

Т о н ь к а. Отжигали, значит.

М а к с и м П е т р о в и ч (*приободряясь*). Точно! Да мы и сейчас еще пошумим! Представляете, тут один мой сокурсник женился на вашей ровеснице!

Т о н ь к а. Ничего себе! Вот видите – ваше поколение еще ого-го!

М а к с и м П е т р о в и ч (*раскрепостившись*). Конечно! Мы же это... основоположники сексуальной революции! И, знаете, эта ваша лампочка... вполне себе модерново смотрится!

Т о н ь к а. Ну, еще бы! Надеюсь, я не слишком утомляю вас?

М а к с и м П е т р о в и ч. Напротив! Мне с вами все интереснее. Вы такая современная, такая яркая...

Т о н ь к а. А хотите попробовать?

М а к с и м П е т р о в и ч. Что?

Т о н ь к а. Лампочку.

М а к с и м П е т р о в и ч (*смеется*). Я?!

Т о н ь к а. Ну, да. Бойтесь?

М а к с и м П е т р о в и ч. Ничего я не боюсь.

Т о н ь к а. Наверное, стесняетесь. Думаете – я такой заслуженный человек, с кучей медалей... Как я буду смотреться...

М а к с и м П е т р о в и ч. Я так не думаю.

Тонька лезет в сумку, достает еще одну лампочку.

М а к с и м П е т р о в и ч. А зачем вторая?

Т о н ь к а. Ничто так не сближает людей, как совместное занятие идиотизмом. Я тоже хочу лампочку.

М а к с и м П е т р о в и ч. Вы о лампочке говорите, как о героине.

Т о н ь к а. Это круче, чем героин. Вам понравится. А, кроме того, мы сделаем селфи.

М а к с и м П е т р о в и ч. Ну, если... селфи... Ладно, давайте. Вдруг и вправду лампочка бодрит? (*берет лампочку, запикивает себе в рот*).

Тонька тоже пикивает лампочку в рот, достает айфон. Обнимает Максима Петровича, делает несколько снимков. Достает лампочку.

Т о н ь к а. Вау! Смотрите, какие мы с вами классные!

Максим Петрович пытается вытащить лампочку – ничего не получается. Его глаза округляются, он мычит, трясет головой.

Т о н ь к а. Что с вами?! Лампочка не вытаскивается? А! Какой ужас! Так, только без паники. Надо сесть.

Тонька подводит Максима Петровича к стулу, сажает.

Т о н ь к а. Расслабьтесь. Не делайте резких движений. А теперь попробуйте аккуратно вывернуть лампочку против часовой стрелки.

Максим Петрович пытается следовать инструкции. Безрезультатно.

Т о н ь к а. Ничего страшного. Я сама попытаюсь ее вытащить. Мне нужен чистый носовой платок, два шнурка и отвертка.

Максим Петрович покрывается испариной, из глаз его катятся слезы. Он отрицательно мотает головой.

Т о н ь к а. Только не сжимайте челюсти, я вас умоляю! Если лампочка лопнет, у вас во рту окажутся мелкие осколки!

Максим Петрович бледнеет, встает, пересаживается в кресло, мычит, жестикулирует, рисует в воздухе «03».

Т о н ь к а. Конечно, конечно, успокойтесь. Я не буду ее вытаскивать. Я звоню в скорую. *(набирает номер)*. Алло, скорая? Срочный вызов! Мужчине плохо! Адрес? *(Максиму Петровичу)*. Какой адрес? *(достаёт из сумки блокнот и ручку, Максим Петрович пишет)*. Караванная, 20, квартира 5. Быстрее, пожалуйста!

Свет гаснет. Затем зажигается на пять секунд. Мы видим Максима Петровича и Тоньку в другой мезансцене. Так – несколько раз, чтобы показать ожидание. Наконец раздаётся звонок в дверь, Тонька бежит открывать. На пороге стоят врачи скорой помощи.

П е р в ы й в р а ч. Где больной?

Т о н ь к а. В кресле.

В т о р о й в р а ч. Так. И снова лампочка. Третий вызов за неделю. Эпидемия, наверное.

П е р в ы й в р а ч. Не иначе. *(Тоньке)*. Как же его угораздило?

Т о н ь к а. Совершенно случайно. Менял в кухне лампочку, и вот... такая незадача.

В т о р о й в р а ч. А карманами он не пробовал пользоваться?

Т о н ь к а. К сожалению, я не видела, как это случилось. Если бы я стояла рядом, я бы, конечно, подсказала... Вы ему поможете?

П е р в ы й в р а ч. Разумеется. Но только не здесь, в больнице. Сделаем инъекцию «Реланиума», снимем напряжение мышц, и вытащим. Не переживайте.

В т о р о й в р а ч (Тоньке). Вы родственница?

Т о н ь к а (тихо). Да.

В т о р о й в р а ч. Тогда распишитесь.

Тонька расписывается в тетради, врачи берут Максима Петровича под руки, выводят из квартиры. Напоследок Максим Петрович хочет что-то сказать – мычит в сторону врачей. Тонька остается одна.

Т о н ь к а (радостно). Йес! (набирает номер телефона). Мишань, привет! Ну, что, поднимайтесь, все чисто.

Раздается звонок в дверь. Входят Миша и Саша.

М и ш а. Сработало?

Т о н ь к а (смеется). Еще как! Клиент позабыл обо всем на свете. Глянь! (достает айфон, показывает фото).

М и ш а. Ха-ха! Ну, вы красавчики! Я умираю! А глазища-то какие! Ржунимагу!

С а ш а (открывая сервант). Вы тут не очень-то веселитесь. Больничка рядом, скоро клиент появится.

М и ш а. Точно. Хорош трепаться, пошли работать.

С а ш а. Будем брать все. Учитывая, что половина бабла все равно окажется липой. (протягивая Мише купюру). Можешь отличить фейк от настоящих?

М и ш а. Легко! Дома займусь.

Т о н ь к а. А мы и фальшивкам найдем применение. У Максима Петровича эти фантики сработаны не хуже, чем у Монетного двора.

С а ш а (Тоньке, показывая на медали). Это все он?

Т о н ь к а. Ага, как же! Особенно орден Ушакова. Последний раз его вручали в 1968 году, когда Максим Петрович школу заканчивал.

С а ш а. Да, сильно! (смеется). А дяденька с фантазией! Тонь, тебе такие нравятся!

Т о н ь к а. Иди ты на фиг!

Звучит музыка. Компания начинает рыться в вещах Максима Петровича. Кто-то находит деньги, кто-то монеты... Тонька снимает со стены ордена и медали, укладывает в свою сумку. Потом убирает со стола вино, аккуратно сворачивает скатерть, кладет в пакет. Затемнение.

Сцена третья

Лестничная площадка обычного дома. Посередине лифт. Левая и правая кулисы – входные двери квартир. Одна из них принадлежит Анне Сергеевне.

Утро. Шум поднимающегося лифта. Двери открываются, и мы видим знакомую компанию – Тоньку, Мишу и Сашу. На Тоньке строгий деловой костюм, через плечо перекинута все та же золотая сумочка. Девушка покидает лифт первой, за ней следуют Миша и Саша.

С а ш а (догоняя Тоньку, кричит). Антонина! Тоня!

Т о н ь к а (оборачиваясь, с явной неохотой). Что? Что ты орешь?

С а ш а. Тоня, послушай, мы очень рискуем.

Т о н ь к а. Опять?

С а ш а. Ты представляешь, что будет, если эта девица припрется раньше двенадцати? Она пришла, а там уже ты!

Т о н ь к а. Не припрется.

С а ш а. Откуда такая уверенность?

Т о н ь к а. Если она попытается войти в подъезд, вы ее задержите. Ты ведь знаешь ее в лицо?

С а ш а. Бред! Как? Как мы ее задержим?

Т о н ь к а. Понятия не имею. Придумай что-нибудь. Ты ведь у нас начальство.

С а ш а (*Мише*). Она сдурела! Ну, скажи ей!

М и ш а. Мне кажется, игра стоит свеч.

С а ш а. Да вы оба рехнулись!

М и ш а (*Тоньке*). Короче, сейчас 11.35, встреча назначена на 12.00. У тебя есть 20 минут. Включай институтку и топай. Очки не забудь.

С а ш а. Офигеть! Вы все уже решили, да?

Т о н ь к а. У меня нет времени на твою рефлексю. Я пошла.

С а ш а. Не ходи.

Т о н ь к а. Саша, ты теряешь самообладание. Ты опять принимаешь антидепрессанты?

М и ш а (*Тоньке*). Давай потом, ладно?

Тонька достает из сумки очки, надевает. Подходит к двери Анны Сергеевны. Ждет, когда Миша и Саша войдут в лифт, потом звонит в дверь.

Г о л о с А н н ы С е р г е е в н ы. Кто там?

Т о н ь к а. Это Наталья, аспирантка. Я от Ивана Ивановича.

А н н а С е р г е е в н а (*открывая дверь*). Да, да! Я жду вас, входите!

Сцена четвертая

Комната Анны Сергеевны. Старинная мебель, рояль, на стенах картины художников объединения «Мир искусства». Несмотря на утренний час, сама хозяйка одета в вечернее платье, пальцы ее унизаны кольцами.

А н н а С е р г е е в н а. Чай, кофе, сок? Крепкие напитки не предлагаю, еще слишком рано.

Т о н ь к а. Чай. Если можно.

А н н а С е р г е е в н а (*наливает чай*). У меня зеленый, вы не против? Попробуйте печенье. Это финское. Очень вкусное, тает во рту.

Т о н ь к а. Спасибо! (*пьет чай с печеньем*). М-м-м! Божественно!

А н н а С е р г е е в н а. Я покупаю только финские товары. От зубной щетки до колбасы. Они экологически чистые и без ГМО.

Т о н ь к а. Это правильно. Я тоже доверяю финнам. Кстати, буквально вчера я вернулась из Тампере. Была на стажировке в местном университете.

А н н а С е р г е е в н а. Какая вы умница! Иван Иванович говорил, что вы пишете какую-то очень интересную диссертацию по психологии?

Т о н ь к а. Да, пишу. «Историческая память в контексте субъективной картины жизненного пути личности».

А н н а С е р г е е в н а. Любопытно... И какие же задачи вы ставите?

Т о н ь к а. О, их много! Например, провести сравнительный анализ исторической памяти у людей разного пола, возраста, образования. Потом проанализировать взаимосвязь исторической памяти с субъективной картиной жизненного пути личности... В общем, список объемный.

А н н а С е р г е е в н а. Понятно... И когда же защита?

Т о н ь к а. Через полтора года. Но я так увлечена работой – думаю, они пролетят очень быстро.

А н н а С е р г е е в н а. И чем же вы займетесь после окончания аспирантуры?

Т о н ь к а. Буду преподавать. Впрочем, я уже читаю лекции первому курсу.

А н н а С е р г е е в н а. Надо же! Такая молоденькая девочка, и уже педагог. Простите за нескромный вопрос: вы замужем?

Т о н ь к а. Пока нет. (*пауза*). Анна Сергеевна, у меня не так много времени...

А н н а С е р г е е в н а. Да, да, конечно, я понимаю... (*встает, начинает ходить по комнате*). Откровенно говоря, я никогда не давала... взятку... Я просто не умею... Все дела нашей семьи вел мой покойный муж.

Т о н ь к а. Анна Сергеевна, ну, какая взятка! Вознаграждение. Вы благодарите Ивана Ивановича за то, что ваш сын будет учиться в нашем институте.

А н н а С е р г е е в н а. Вы правы. Я буду расценивать это, как гонорар. Петенька очень способный мальчик, особенно к психологии, но у вас такой конкурс... Я слышала, кое-кто из родителей дарит ректору машину!

Т о н ь к а. Ну, это миф.

А н н а С е р г е е в н а. А еще я слышала, что недавно в Москве одну даму задержали с поличным, когда она передавала... вознаграждение в деканат!

Т о н ь к а. Что вы говорите?

А н н а С е р г е е в н а. Представьте себе! И декана арестовали.

Т о н ь к а. Как неосторожно... Вот поэтому Иван Иванович и прислал меня к вам домой. Здесь нет камер видеонаблюдения.

А н н а С е р г е е в н а. Да, да, он мне все объяснил... Какой, все-таки, дальновидный человек!

Т о н ь к а. Профессор. Скоро академиком станет!

А н н а С е р г е е в н а. Наташа, скажите честно: а вы так же поступали в институт?

Т о н ь к а. Конечно. Так делает половина абитуриентов.

А н н а С е р г е е в н а (*тихо*). Но это же... уголовно наказуемо.

Т о н ь к а. Это ложь во имя добра, Анна Сергеевна. Вы же не хотите, чтобы ваш сын провалил экзамены, и вместо института пошел на завод? Или того хуже – на улицу? Теперь очень трудное время. Кругом полно алкоголиков, наркоманов, да и просто неудачников. Я, как психолог, знаю абсолютно точно: чем выше уровень образования личности, тем больше у человека шансов устоять в этом мире. Ведь если человек при деле, если он получает высшее образование – согласитесь, у него нет времени на глупости. Его место в библиотеке, а не в пивной.

А н н а С е р г е е в н а. Я полностью согласна! Вы удивительно точно расставляете акценты. Сразу видно – аспирантка! (*встает, подходит к роялю, открывает крышку, вынимает пухлый конверт*). Возьмите. Тут ровно 500 тысяч, как договаривались с Иваном Ивановичем.

Т о н ь к а. Я все же пересчитаю, с вашего позволения... Ведь я всего лишь курьер. Я должна передать Ивану Ивановичу все до копейки.

А н н а С е р г е е в н а. Пожалуйста, пожалуйста! Считайте!

Тонька пересчитывает деньги, Анна Сергеевна продолжает пить чай.

Т о н ь к а. Все в порядке! (*убирает конверт в сумку*).

А н н а С е р г е е в н а. У меня, как в аптеке. Покойный муж приучил меня быть внимательной и предельно точной.

Т о н ь к а. Это хорошие качества. Жаль, не все ими обладают. (*пауза*). А давно умер ваш муж, Анна Сергеевна?

А н н а С е р г е е в н а. Пять лет назад. (*пауза*). Несчастный случай.

Т о н ь к а. На производстве?

А н н а С е р г е е в н а. Нет. Представьте себе, на улице. Его машина сбила.

Т о н ь к а. Какая нелепая смерть...

А н н а С е р г е е в н а. Не говорите... А, главное, никто за это не ответил. Никого не нашли.

Т о н ь к а. Обидно. А чем он занимался?

А н н а С е р г е е в н а. Он был ювелиром. Прекрасным мастером своего дела. У него был непревзойденный вкус и талант. Вот эта коллекция картин – его.

Т о н ь к а. Да, я уже обратила внимание. «Мирискусники»?

А н н а С е р г е е в н а. Совершенно верно. Рерих, Добужинский, Яковлев... Ах... Мне так его не хватает! Особенно, что касается воспитания сына. Знаете, мужская рука, мужской совет, и все такое...

Т о н ь к а. Понимаю... А где сейчас ваш сын?

А н н а С е р г е е в н а. На Мальдивах. Отдыхает после ЕГЭ. Их так мучили! просто не передать...

Т о н ь к а. Что делать! Система образования пока несовершенна.

А н н а С е р г е е в н а. Особенно в средней школе... Скажите, Наташа, а вы не знаете, как нам действовать дальше?

Т о н ь к а. А действовать уже не надо. Для вас все завершилось. 10 августа придете в институт, и увидите свою фамилию в списках первокурсников. А 1 сентября милости просим на торжественное посвящение в студенты.

А н н а С е р г е е в н а. Спасибо вам! Если бы все проблемы решались так просто.

Т о н ь к а. Не мне спасибо, Ивану Ивановичу. Это он у нас умница, молодец, и вообще – настоящий волшебник.

А н н а С е р г е е в н а. Да, да, разумеется! Неловко просить, но вы не могли бы... немного присматривать за Петей? Когда он будет учиться на первом курсе. Все-таки, новая среда, новые люди...

Т о н ь к а. Конечно! Тем более что я и на следующий год буду читать общую психологию у детей. И наверняка ваш сын будет ходить ко мне на занятия.

А н н а С е р г е е в н а. У детей?

Т о н ь к а. У детей! Для нас все наши студенты – дети. Даже если они уже пишут диплом. *(вытаскивает из сумочки тюбик крема, начинает намазывать руки).*

А н н а С е р г е е в н а. Какой ароматный крем! Что это?

Т о н ь к а. Это? А, это «Vetia Floris». Мне привезла его подруга из Швейцарии. Он, вообще-то, и у нас продается, но стоит очень дорого.

А н н а С е р г е е в н а. Да? А сколько?

Т о н ь к а. Около пяти тысяч рублей.

А н н а С е р г е е в н а *(с любопытством)*. Что же там такого особенного?

Т о н ь к а. Как вам сказать... Это новая люксовая серия кремов. Помимо всего прочего, в составе есть омолаживающий комплекс, который препятствует возникновению пигментных пятен. Плюс натуральные масла.

А н н а С е р г е е в н а. Ну, натуральные масла практически везде теперь.

Т о н ь к а. Возможно. Но вот масло бабассу и масло макадами не всегда встречаются.

А н н а С е р г е е в н а. А что в них необычного? Кроме названия?

Т о н ь к а. Как же? Именно они обладают антивозрастным действием. Именно они, эти масла, успешно борются со старением наших рук. Это же очень важно для женщины. Кстати, макадамия – один из самых дорогих орехов во всем мире: стоит около 30 долларов за килограмм.

А н н а С е р г е е в н а. Да, действительно, недешево.

Т о н ь к а. Кроме того, этот крем еще и заживляющий: если на коже имеются порезы, он вылечит их буквально на следующий день. *(убирает тюбик в сумку)*. Ощущения прекрасные! Как будто бархатные перчатки на руках. И впитывается моментально! Опять же – благодаря маслу макадами.

А н н а С е р г е е в н а. А можно и мне попробовать?

Т о н ь к а. Конечно! *(достает тюбик – другой, внешне ничем не отличающийся от прежнего)*. Пожалуйста!

Анна Сергеевна начинает втирать «крем».

Т о н ь к а. Наверное, нужно снять кольца, неудобно...

Анна Сергеевна снимает кольца, Тонька внимательно наблюдает. Через несколько секунд «крем» на руках Анны Сергеевны начинает чернеть.

А н н а С е р г е е в н а (обалдев). Что это?!

Т о н ь к а (делая вид, что испугалась). Я не знаю...

А н н а С е р г е е в н а. Что это за фокусы?!

Т о н ь к а. Я... понятия не имею!

А н н а С е р г е е в н а. Почему они стали черными?!

Т о н ь к а. Я так же, как и вы, впервые вижу такое воздействие на руки!

А н н а С е р г е е в н а. Как же это получилось?!

Т о н ь к а. Может, это реакция на другой крем? Которым вы раньше руки мазали?

А н н а С е р г е е в н а. Да ничем я их не мазала! Я уже сутки не мазала! (хватает бумажную салфетку, пытается убрать «крем»).

Т о н ь к а. Наверное, лучше влажной салфеткой... (достаёт из сумки упаковку салфеток).

А н н а С е р г е е в н а (снова трет свои руки). Да что ж это такое?! Как это убрать?!

Т о н ь к а. Может, попробовать спиртом? Правда, он сушит кожу...

А н н а С е р г е е в н а. Спирта нет. И водки тоже нет...

Т о н ь к а. Тогда нужна горячая вода и много мыла. Лучше взять хозяйственное. Отмывает даже мазут!

Анна Сергеевна бросает салфетки, убегает в ванну. Тонька быстро сгребает кольца в сумку и тоже уходит.

Сцена пятая

Та же лестничная площадка. У лифта стоят Миша и Саша, к ним приближается Тонька.

М и ш а. Сейчас будет шоу!

Т о н ь к а. Какое?

С а ш а. С фейерверком.

Т о н ь к а. Что случилось?

М и ш а. Наталья, которая к твоей Анне Сергеевне должна была придти в 12.00, в лифте застряла. Как бы.

Т о н ь к а. Ну, вы даёте! Креатив!

С а ш а. А то! Но, поскольку, ты уже все сделала, мы ее выпускаем. (вытаскивает из дверей лифта палку, раздаётся какой-то щелчок и звук поднимающегося лифта).

Т о н ь к а. И долго она там сидела?

М и ш а. Да нет, минут пять.

Лифт подъезжает, вся компания прячется. Впрочем так, чтобы слышать предстоящий диалог, и чтобы быть видимыми зрителю.

Из лифта выходит Наталья, смотрит на часы. Подходит к двери Анны Сергеевны, звонит.

Г о л о с А н н ы С е р г е е в н ы. Кто там?

Н а т а л ь я. Это Наталья, аспирантка.

А н н а С е р г е е в н а (*открывая дверь*). Кто?!

Н а т а л ь я. Здравствуйте! Мы с вами договаривались на сегодня. Вернее, Иван Иванович договаривался с вами, что я зайду за... ну, вы поняли.

А н н а С е р г е е в н а. Да, я поняла! Только поздно.

Н а т а л ь я. Что поздно?

А н н а С е р г е е в н а. Вы пришли поздно. Вы опоздали.

Н а т а л ь я. Да, но... Я застряла у вас в лифте...

А н н а С е р г е е в н а. Удивительное совпадение! Впрочем, это уже не важно... (*пауза*). Ловко она меня, дуру! Я ведь не сразу догадалась. Только, когда мои кольца пропали.

Н а т а л ь я. Какие кольца? Я ничего не понимаю, объясните, пожалуйста.

А н н а С е р г е е в н а. А нечего объяснять. За полчаса до вас тут побывала некая особа, которая выдала себя за Наталью. Я отдала ей то, о чем мы договаривались с Иваном Ивановичем. А потом она украла у меня кольца.

Н а т а л ь я. Какой кошмар! Надо заявить в полицию! Срочно!

А н н а С е р г е е в н а. Нет. Я не буду.

Н а т а л ь я. Что за ерунда? Почему?

А н н а С е р г е е в н а. Потому! Как я объясню, зачем приходила эта дрянь?

Н а т а л ь я. Можно сказать, что она ошиблась. Зашла, попросила стакан воды, а пока вы ходили, стащила кольца.

А н н а С е р г е е в н а. Которые лежали горкой на рояле. Семь штук. С бриллиантами. И тут же лежали 500 тысяч – так, между прочим. Среди печенья.

Н а т а л ь я. Да, действительно... Надо что-то придумать.

А н н а С е р г е е в н а. А что тут думать? Надо опять собирать деньги. Видимо, придется что-то продать... Ладно, Наташа, вы идите, все равно мне сейчас нечего вам дать...

Наталья уходит, Анна Сергеевна закрывает дверь. Затемнение.

Второе действие

Сцена шестая

Лестничная площадка обычного дома. Посредине лифт. Левая и правая кулисы – входные двери квартир-мастерских. Одна из них принадлежит Андрею.

Вечер. Шум поднимающегося лифта. Двери открываются, и мы видим Тоньку, которая на сей раз появляется без провожатых. Одета просто – в джинсы и куртку. Подходит к двери Андрея, звонит. Андрей открывает.

Т о н ь к а. Здравствуйте! Вы Андрей?

А н д р е й (*вытирая руки тряпкой*). Он самый.

Т о н ь к а. Я заказывала у вас серебряную скульптуру Достоевского. Мы общались «Вконтакте». Вы сказали, сегодня можно забрать.

А н д р е й. Да, да, я помню! Забрать можно. Входите. Только осторожно, у меня тут коробки...

Сцена седьмая

Мастерская Андрея. Коробки, скульптуры, деревянные, наспех сколоченные полки. У стены, подрамником к зрителю, стоит картина, на полу – магнитофон. Беспорядок. Посреди комнаты красуется внушительных размеров надгробье – гранитный памятник.

Т о н ь к а (*входя*). Ой! Что это?!

А н д р е й. Страшно?

Т о н ь к а. Скорее, нелепо...

А н д р е й. Вы думаете?

Т о н ь к а. Нет, я не то хотела сказать. Я не хотела вас обидеть. Когда говорила «нелепо», имела в виду, что в помещении такая гранитная глыба смотрится как-то странно...

А н д р е й. Я понял.

Т о н ь к а. Я вообще, когда вижу надгробья, как-то теряюсь. Есть в этом что-то безнадежное, невозвратное... Вы не находите?

А н д р е й. Я уже привык. Да и вообще – мне выбирать не приходится. Дают заказ – я делаю.

Т о н ь к а. А спите потом хорошо? Покойники не снятся?

А н д р е й. Мне давно уже ничего не снится.

Т о н ь к а. А мне казалось, что художникам снятся музы...

А н д р е й. Первые пять лет. Пока они в институтах учатся.

Т о н ь к а (*разглядывает памятник*). Потрогать можно?

А н д р е й. Валяйте!

Т о н ь к а. Какой гладкий... И кому же сей шикарный монумент? Космонавту?

А н д р е й. Бизнесмену.

Т о н ь к а. Наверное, миллионером был. Раз такую штуковину себе отгрохал.

А н д р е й. Как выяснилось, нет.

Т о н ь к а. А как же тогда?

А н д р е й. Все-таки, интересно?

Т о н ь к а. Я любопытна!

А н д р е й. Ну, примерно так: приходит ко мне один дядечка, лет 55. Цветущий такой, лощенный. И просит изготовить памятник. Дает аванс. Я спрашиваю: у

вас что-то со здоровьем? Типа – помирать собрались? Как-то у нас не принято загодя надгробье заказывать... А он: нет, все в порядке. Просто убрать могут в любой момент. И исчезает. Я работу выполнил – все, как договаривались. И тут выясняется, что его уже... В общем, не успел он мне целиком заказ оплатить. Вот и стоит эта штука посреди мастерской. И долг на мне висит... нехилый такой – за материал, например. Про свою неоплаченную работу я уже молчу.

Т о н ь к а. Ни фига себе! Как неприятно...

А н д р е й. Мягко говоря... Я, конечно, расстроился жутко сначала. Родственники долг отдавать не хотят, да и нечем. Этот покойник, оказывается, в кредит жил. Короче, мрак. Но я не отчаиваюсь. Переезжаю в другую мастерскую – попроще, подешевле. Уже и коробки собрал...

Т о н ь к а. Да, грустно. И как быть – непонятно...

А н д р е й. Ладно, прорвемся! Не впервой.

Т о н ь к а. Вы оптимист!

А н д р е й. Скорее, реалист. Через полгода верну деньги за материал. Набрал учеников, преподаю рисунок. Так что все в порядке.

Т о н ь к а (*показывает на картину*). А эта картина – ваша?

А н д р е й. Моя. (*подходит к картине*). Кстати, с этим полотном тоже курьезная история вышла.

Т о н ь к а. Расскажите?

А н д р е й. Ну, если вам интересно... Случилось это год назад примерно. Заказов тогда было мало, настроение паршивое, иногда хотелось бросить все, и уйти в другую профессию. Вечерами, вместо того, чтобы лепить, начал смотреть телевизор... Короче, в один из таких унылых вечеров звонит мой старинный приятель. И говорит: есть, мол, одна знакомая, которая хочет заказать картину в стиле Пикассо. Женщина эта красива, богата, с чувством юмора, заплатит не скупясь, и явится за картиной лично. Единственный минус – то, что картину надо передать уже послезавтра. Значит, нарисовать ее надо сегодня, чтобы она могла просохнуть. Ну, что ж – Пикассо, так Пикассо. И, хотя, я никогда не рисовал в подобном стиле, тут же побежал покупать акриловые краски на оставшиеся деньги. Мысленно представляя таинственный образ дамы-заказчика, описанный приятелем, я почему-то решил нарисовать пол лица и один глаз. Через два часа одинокое око с тоненькой бровью мне удалось. Но что-то в картине было не так. Не хватало какого-то праздника, красоты и удивления. Тогда я расширил глаз, приподнял бровь, а фоном моему лицу стал разноцветный фейерверк. Ну, а в конце я решил добавить восторга и нарисовал под глазом слезинку. Довольный, лег спать. А послезавтра в дверь позвонили. На пороге стояла женщина удивительной красоты. Было ощущение, что это какая-то блоковская «Незнакомка» явилась ко мне – в облегающем платье до пят, в шляпе с пером и вуалью... И вот она подходит к картине, окидывает ее взором... Ее бровь сначала поднялась, как на моем полотне, а потом... брызнули слезы из глаз. Точнее – из глаза. Потому что дама оказалась одноглазой! Крикнув что-то вроде – вы надо мной издеваетесь! – она выскочила из мастерской и убежала, хрустя своими юбками из тафты. Денег, разумеется, не заплатила. Пару дней я отходил от шока. А потом приятель

рассказал, что глаз эта женщина потеряла, когда смотрела шоу фейерверков...

Такая вот история...

Т о н ь к а. Обалдеть! Слушайте, да у вас какой-то мистический дар!

А н д р е й. Наверное.

Т о н ь к а. Точно! Вы рисуете, а оно потом сбывается... Вам не страшно?

А н д р е й. Страшно. Вот поэтому я и не рисую.

Т о н ь к а. А вообще, более незадачливого человека я, пожалуй, не встречала...

Вам просто везет на подобные ситуации.

А н д р е й. Есть такой момент. Но все это – жизненный опыт. Если воспринимать его без негатива, есть шанс выйти победителем... Что-то заболтал я вас. Вот ваша скульптура, держите. *(протягивает Тоньке серебряного Достоевского)*.

Т о н ь к а. Ух ты! Как на картинке. Очень здорово! *(достает из сумки деньги, отдает Андрею)*.

А н д р е й. Спасибо! Ой, как много! Нет, это лишнее, заберите.

Т о н ь к а. Все нормально. Пускай это будет аванс. Может, я еще одного Достоевского закажу.

А н д р е й. Ну, если так... А, кстати, почему Достоевский?

Т о н ь к а. Ну... потому что великий русский писатель.

А н д р е й. И все? Не убедительно.

Т о н ь к а. Хорошо. Потому что «Игрок».

А н д р е й. А почему не «Братья Карамазовы»?

Т о н ь к а. Потому что «...однажды в твоей жизни появится новое имя, которое превратит предыдущее в пыль». Федор Михайлович Достоевский.

А н д р е й. Не совсем понял, но вам, наверное, виднее... Может, чаю? Вас как зовут?

Т о н ь к а. Антонина. Давайте! Я так долго к вам ехала – сначала на электричке, потом в метро, потом в маршрутке... Проголодалась. *(смеется)*.

А н д р е й. Ой, а вот еды, практически, никакой... Хлеб и сыр только...

Т о н ь к а. Сойдет.

Андрей начинает хлопотать: расставляет чашки, наливает чай, достает сыр и хлеб.

А н д р е й. А вы, Антонина, чем занимаетесь?

Т о н ь к а. Я в отпуске.

А н д р е й. Ну, это в данный момент. А вообще?

Т о н ь к а. А вообще... Так, поигрываю.

А н д р е й. В кино или в театре?

Т о н ь к а. В жизни.

А н д р е й. У вас не складывается творческая судьба?

Т о н ь к а. С чего вы взяли?

А н д р е й. Показалось. *(пауза)*. У вас глаза, как у Цветаевой. Жаль, поздно встретились. Мне как раз такие глаза нужны были...

Т о н ь к а. Зачем?

А н д р е й. Для одной картины. Но теперь это уже не актуально.

Т о н ь к а. А какие глаза были у Цветаевой?

А н д р е й. Зеленые. Грустные.

Т о н ь к а. Ну, да... конечно...

Привычные к степям – глаза,

привычные к слезам – глаза,

зеленые – соленые –

крестьянские глаза...

А н д р е й. Ого! Знаете наизусть?

Т о н ь к а. Знаю. Я много чего знаю. Только знания мои не нужны никому.

А н д р е й. А преподавать не пробовали?

Т о н ь к а. Нет. У меня терпения на учеников не хватит.

А н д р е й. Мне почему-то кажется, что вы тоже стихи пишете...

Т о н ь к а. Ага, угадали.

Ты едешь по городу. Ночь и весна.

Трамваю «Желанье» дорога тесна.

Безумный кондуктор отдаст за гроши

бумажное счастье своей души.

И люди в одеждах вчерашнего дня

похожи, как капли воды у дождя.

А ты обращаешься к ним на «вы»,

но нету предмета их головы.

Вагонные стекла – почти что витраж –

способны украсить любой пейзаж.

Ладонью коснешься – а это песок,

сладкий на вкус, как березовый сок.

Все это случилось с тобой или нет?

Смотри: отрицание сна – сонет.

Слушай, как звезды скользят по реке,

счастливый билетик сжимая в руке.

Впрочем, все лучшее я уже написала. Когда спала с чужими мужьями.

А н д р е й. Какая вы откровенная.

Т о н ь к а. Вы тоже.

А н д р е й. Это, наверное, потому что мы с вами разбежимся через десять минут, и больше никогда не встретимся.

Т о н ь к а. Почему не встретимся? Встретимся. «Вконтакте».

А н д р е й. Где ваш ник Леди Энциклопеди? Где вы ненастоящая?

Т о н ь к а. Настоящая, ненастоящая... Какая разница? *(подходит к надгробью)*.

Я вдруг подумала: а ведь все, что останется после меня – это логин и пароль...

Памятник я не заслужила...

А н д р е й. А ваши стихи?

Т о н ь к а. Их нет в интернете. Значит нет нигде. *(долгая пауза)*.

А н д р е й. А вы музыку любите?

Т о н ь к а. В целом, как явление, да. А в частности – не всякую.

А н д р е й. Хотите кое-что поставлю?

Т о н ь к а. Ну, поставьте...

Андрей подходит к магнитофону, ставит диск. Звучит музыка. Через минуту Андрей приглашает Тоньку на танец.

Т о н ь к а. Интересно. Что это?

А н д р е й. Это написал один мой приятель. Он композитор, пишет музыку для птицефабрик.

Т о н ь к а. Для чего?!

А н д р е й. Для курятников. А вы что, не знаете – куры под музыку несутся лучше. Яйценоскость повышается.

Т о н ь к а. Еще скажите, что музыка влияет на вкус яиц.

А н д р е й. А как же! В первые 15 дней своей жизни, курицы слушают песни о любви. От 16 до 30 дней им ставят более быстрые композиции – в стиле диско. А от месяца и дальше им предоставляется уже целый спектр музыки – от классики до рок-н-ролла.

Т о н ь к а. Ага, на выбор. Ха-ха! Давно я так не смеялась! Ну, вы даете!

А н д р е й. А что? Стратегия проста: птицы меньше подвержены стрессу, если на них постоянно воздействует музыка. Она заглушает другие шумы, например, когда во время кормежки в помещение входят работники фермы. Куры счастливы, они хорошо едят, и в результате приносят больше высококачественных яиц.

Т о н ь к а. Ой, не могу! Да... Может, мне стихи курам почитать?

А н д р е й. Может быть. Всякой живой твари приятно, когда вокруг красота и гармония.

Т о н ь к а. Умора!

А н д р е й. А сейчас мой приятель для коровника пишет.

Т о н ь к а. Чтобы надои повысились?

А н д р е й *(смеется)*. Вот, вот. И чтобы качество молока улучшилось. Чтобы оно стало жирнее.

Т о н ь к а. С вами не соскучишься. Логическое продолжение всех этих историй – ваши скульптуры для свинарника.

А н д р е й. А что – если закажут, я только за!

Т о н ь к а *(смотрит на часы)*. Ладно, Андрей, пойду я. Скоро моя электричка. Последняя на Поселок...

А н д р е й. Что ж – было приятно познакомиться! Мне кажется, мы смеемся на одном языке, а это главное.

Тонька встает, направляется к выходу. Звонок в дверь.

А н д р е й. Извините! Наверное, заказчики.

Андрей идет открывать, на пороге стоят Миша и Саша.

М и ш а. Мы за... *(замечает обалдевшую Тоньку).*

А н д р е й. Я вас внимательно слушаю.

С а ш а. Ну и встреча! *(Тоньке).* Ты как здесь?!

Т о н ь к а. Я уже ухожу.

С а ш а. Я не понял: ты что тут делаешь?

Т о н ь к а *(резко).* Ничего не делаю. Заказ вот этот *(показывает Достоевского)* забираю. *(хочет уйти).*

С а ш а. Думаешь, я тебе верю?

А н д р е й. Я не понимаю – вы что, знакомы?!

М и ш а. Ага, это моя сестра.

С а ш а. И моя жена!

А н д р е й *(удивленно).* Рад познакомиться...

С а ш а. Простите, пожалуйста... Андрей, если я не ошибаюсь? Вы не могли бы... выйти, что ли? Я понимаю, звучит бредово – вы, все-таки, у себя в мастерской, но... нам надо поговорить с этой девушкой.

А н д р е й. Хорошо, я покурю на лестнице...

Андрей уходит.

Т о н ь к а. Ты совсем охренел?!

С а ш а. Охренела ты, моя красавица. Ты пришла на дело одна, без нас. Ты хочешь получить все?

Т о н ь к а. Идиот! Я пришла не на дело. Я пришла за моим заказом!

М и ш а. Во врет! Смотри, твоя школа!

Т о н ь к а. Если уж на то пошло, то и вы пришли сюда без меня, разве не так?

С а ш а. Стерва!

Т о н ь к а. Вы оба кретины! Здесь брать нечего! Этого человека уже обобрали. Он уезжает из мастерской. Ему не по карману снимать такое помещение. Ясно?

М и ш а. Ага. Здесь серебра и бронзы тысяч на 200, не меньше. А ты нам про какое-то «обобрали» впариваешь.

Т о н ь к а. Миша, ты свой мозг пропил, наверное. Тебе русским языком объясняют.

М и ш а. Не хаами, родная. Ты нас предала.

Т о н ь к а. Ты бы хоть книжку какую-нибудь прочитал, Миша. Так придурком и помрешь.

С а ш а *(Мише).* Все, она меня достала! Давай работать.

Т о н ь к а. Работать? Вы хотите взять у человека последнее?!

Миша быстро достает заранее приготовленный шприц со снотворным (видимо, предназначенный Андрею), Саша хватается Тоньку за руки, Миша колет. Тонька сползает на пол.

М и ш а. Порядок. А что с этим, скульптором?

С а ш а. Все то же, Миша, все то же.

М и ш а. Ага.

Миша достает ампулу, заправляет шприц, выходит на лестницу. Через минуту возвращается.

С а ш а. Что так долго?

М и ш а. А что ты нервничаешь? Все нормально.

С а ш а (*роясь в коробках*). Надо здесь оперативно...

М и ш а. Тоньку жалко.

С а ш а. Жалко?! Она спалит нас.

М и ш а. Да нет, ты что! Она тебя любит.

С а ш а. Как же! До первого скульптора. Кстати, надо его в дом затащить. На лестнице его могут увидеть.

Парни втаскивают Андрея в мастерскую.

М и ш а. Не могу поверить. Не верю!

С а ш а. Станиславский ты мой... Чему?

М и ш а. Не чему, а во что. В то, что Тонька к ментам побежит. Она сама по брови в дерьме.

С а ш а. Давай потом это обсудим. Собирай урожай и смотри за клиентами. Чтобы не очухались раньше времени.

Миша и Саша снимают скульптуры с полок, быстро выносят коробки.

С а ш а. А, может, убьем ее?

М и ш а. Ты что, совсем тронулся?!

С а ш а. А я, может, не из-за ментов. Из ревности. Наверняка уже переспала с этим ваятелем.

М и ш а (*иронично*). Ага, тогда и его кокнем. Чего уж мелочиться.

С а ш а. Его нельзя, он чужой.

М и ш а. Ну, да... А Тонька своя, ее можно. Вон, и памятник готовый стоит... (*показывает на надгробье*).

С а ш а. Все, погнали отсюда. А то сейчас кто-нибудь гляделки откроет, мало не покажется.

М и ш а. Ок! Я готов.

Миша и Саша уходят, затемнение.

Сцена восьмая

Мастерская Андрея. Пусто. Только надгробье возвышается в глубине сцены... Андрей начинает просыпаться.

А н д р е й. Что это было?! Какой-то хоррор! Галлюцинация... Кошмар... Боже, как болит голова... (*оглядывается по сторонам*). А где мои коробки?! Где вообще все?! Почему сломаны полки? (*замечает Тоньку*). Антонина! (*подходит к Тоньке, расталкивает*). Проснитесь!

Т о н ь к а (*просыпаясь*). Где я? Кто вы?

А н д р е й. В мастерской. На Тихорецком. Я Андрей, скульптор... Вы сегодня у меня Достоевского забирали.

Т о н ь к а. А, вспоминаю... Я его забрала?

А н д р е й. Наверное. Поднимайтесь.

Андрей помогает Тоньке встать на ноги.

Т о н ь к а. А что происходит?

А н д р е й. Мне тоже интересно, что происходит.

Т о н ь к а. Почему такой беспорядок?

А н д р е й. Хороший вопрос. Сюда приходили двое: ваш брат и ваш муж.

Т о н ь к а. Ага, сейчас! Брат, муж...

А н д р е й. А кто же тогда эти люди?

Т о н ь к а. Воры! Что вы так смотрите? Обыкновенные воры.

А н д р е й. И вы с ними знакомы?!

Т о н ь к а. Еще бы! Я с ними заодно!

А н д р е й. Вы хотите сказать, что вы... как это... наводчица?

Т о н ь к а. Я исполнительница. Это выше. Это практически творчество.

А н д р е й. Вы хотели меня ограбить?

Т о н ь к а. Я – нет. У меня и в мыслях такого не было.

А н д р е й. Но ваши коллеги именно так и поступили.

Т о н ь к а. Мои коллеги – кретины. До сегодняшнего дня они не грабили бедных людей.

А н д р е й. Лучше бы я не просыпался...

Т о н ь к а. Лучше бы вы вчера отсюда уехали.

А н д р е й. А что бы изменилось?

Т о н ь к а. Карма.

А н д р е й. Какие слова вы знаете...

Т о н ь к а. Отчего же мне их не знать? Вы думаете, я девочка-ПТУшница?

А н д р е й. А что – у вас высшее образование?

Т о н ь к а. А как же – искусствоведение.

А н д р е й. Неужели?

Т о н ь к а. Международный художественный бизнес.

А н д р е й. Обалдеть!

Т о н ь к а. Ага. А еще я прекрасно ориентируюсь в нумизматике и отлично разбираюсь в антиквариате.

А н д р е й. Поразительно! Какой грамотный нынче аферист пошел! Ну, и как же вы дошли до жизни такой?

Т о н ь к а. Какой?

А н д р е й. Низкой.

Т о н ь к а. Вы считаете ее низкой? А что вы знаете?

А н д р е й. А надо что-то знать?

Т о н ь к а. Чтобы бросаться такими словами, полагаю, да.

А н д р е й. Может, вы хотите, чтобы я извинился? Или простил вас?

Т о н ь к а. Ничего я не хочу.

Тонька вынимает из сумки скульптуру Достоевского, вертит в руках.

Т о н ь к а. Вы, конечно, не в курсе... Федор Михайлович считал, что сфера прощения каждого ограничена. Она очерчена кругом его собственных обид и потерь.

А н д р е й. Вы помешались на Достоевском.

Т о н ь к а (*ставит скульптуру на пол, обращается к ней*). Вам никогда не хотелось надкусить запретный плод?

А н д р е й. Что вы имеете в виду?

Т о н ь к а. Ну, предположим, обладать чем-нибудь не своим.

А н д р е й. Господи, чем?!

Т о н ь к а. Женой чужой. У вас была чужая жена?

А н д р е й. Какое это имеет значение?

Т о н ь к а. Огромное!

А н д р е й. Ну, была. И что?

Т о н ь к а. Ничего. Просто запомним этот факт.

А н д р е й. Бред!

Т о н ь к а. А в детстве – вам не доводилось таскать конфеты из вазы, которая стояла в серванте? Или яблоки с чужого огорода? Вспомните.

А н д р е й. В каком серванте? У нас не было серванта.

Т о н ь к а. Хорошо, не было. В шкафу эта ваза стояла.

А н д р е й. Глупость какая. Все дети конфеты таскают, особенно перед обедом, когда мама запрещает.

Т о н ь к а. Стоп! Вот это и есть отправная точка. Просто у кого-то она переходит в запятую. (*убирает скульптуру Достоевского в сумку*).

А н д р е й. Это вы себя имеете в виду?

Т о н ь к а. Себя и тех двоих. Например. (*пауза*). Суть в том, что в определенных обстоятельствах, все мы способны на всё. А преступление – это заразно. Вернее, нет. Это наркотик.

А н д р е й. Понятно. Сначала доза маленькая, потом ее уже не хватает.

Т о н ь к а. Вроде того. (*пауза*). Лет пять назад я и не думала воровать. Я меняла вещи в магазине. К примеру, есть у меня заколка – желтая, которая мне не нравится. Я иду в магазин со свободным доступом, беру заколку красную, иду в примерочную, прихватив какую-нибудь ненужную шмотку для отвода глаз. Отцепляю бирку от заколки красной, и ставлю эту бирку на заколку желтую.

Или: мне нравится лифчик в магазине без магнитной защиты. Я просто беру несколько лифчиков, долго примеряю, а потом, когда продавец одуревает от «подай-принеси», меняю свой лифчик на новый со словами – спасибо, мне ничего не подошло. Продавец счастлив от меня избавиться. Или: возьмем сумку. Родной ремень через плечо мне короткий. Я нахожу сумку с нужной длиной ремня, с таким же цветом и качеством кожи, и просто меняю один на другой, пока продавец занимается своими делами. Так я меняла джинсы, купальник, спортивные брюки, рубашки, шарфы, колготки... Но, если честно, я почти не нуждалась в этих вещах. Более того – с трудом добытую шмотку, я легко могла выкинуть буквально на следующий день, если она вдруг надоедала. Или отправить ее в контейнер благотворительного магазина «Спасибо!». Но однажды я вынесла из супермаркета свитер, потому что на него забыли надеть защиту. Вот с этого момента и началось все по-взрослому.

А н д р е й. Это болезнь. Клептомания называется. Вы больны. А эти двое вами пользуются...

Т о н ь к а. Все-то вы знаете.

А н д р е й. У меня голова, как в тумане...

Т о н ь к а. Верю.

А н д р е й (*усаживаясь на пол*). Что-то мне нехорошо...

Т о н ь к а (*подходит к Андрею*). Что – совсем? Может, воды?

А н д р е й. Мне бы яду... У вас нет случайно? Украдите для меня яд.

Т о н ь к а. Не смешно.

А н д р е й. Бутылка воды возле памятника...

Тонька приносит воду. Достает из сумки носовой платок, смачивает водой, протирает Андрею лоб.

Т о н ь к а. Если совсем помирать будете, скажите. Я неотложку вызову...

А н д р е й (*пьет из бутылки*). Не дождетесь. Мне еще ваших родственников найти надо.

Т о н ь к а. О, это теперь нереально.

А н д р е й. Почему?

Т о н ь к а. Потому что они думают, что я к ментам побегу. Закладывать. А значит, они начнут шифроваться. Прятаться. Переедут на другую квартиру, поменяют сим-карты в телефонах. Может быть, даже купят новые паспорта... В любом случае, я их больше не увижу. А вы – тем более.

А н д р е й. И они не будут мстить?

Т о н ь к а. Как?

А н д р е й. Ну, не знаю... Несчастный случай. Кирпич на голову...

Т о н ь к а. Чушь какая! Они же воры, а не убийцы.

А н д р е й. Романтики с большой дороги?

Т о н ь к а. Ага.

А н д р е й. У вас очень приятные духи... Как они называются?

Т о н ь к а. Понятия не имею.

А н д р е й. Как? Вы не помните, что покупали? Что написано на флакончике? А! Впрочем, ясно: вы их тоже украли.

Т о н ь к а. Почему украла? Зачем мне воровать духи? Я прихожу в магазин «Рив Гош», и душусь из тестера. Так экономнее.

А н д р е й. Экономнее? При ваших гонорарах такая мелочность?

Т о н ь к а. Не возбуждайтесь. Лежите спокойно.

А н д р е й. А косметикой вы так же пользуетесь? Общественной, из тестера?

Т о н ь к а. Нет, косметика у меня своя. И очень дорогая.

А н д р е й (*вздыхает*). И зачем вы только пришли сюда?

Т о н ь к а. За Достоевским. Кстати, если бы я не пришла, вы бы сейчас в одиночестве тут валялись.

А н д р е й. Да, это точно. Вызывайте скорую...

Т о н ь к а. Что – совсем хреново?!

А н д р е й. Ага! Не знаю, что со мной...

Тонька хватает телефон, набирает «03».

Т о н ь к а. Алло, скорая? Срочный вызов! Мужчине плохо! Адрес? (*пауза*). Тихорецкий проспект, 15, корпус 2, кажется... Нет, нет, точно! Приезжайте скорее!

А н д р е й. Часа через два будут...

Т о н ь к а (*наклоняясь к Андрею*). Да что вы, они уже в пути!

А н д р е й. Расскажите мне про Достоевского.

Т о н ь к а. Что?!

А н д р е й. Про Федора Михайловича. Что-нибудь... (*пауза*). У него был такой рассказ «Честный вор». Это не про вас?

Т о н ь к а. Не про меня. Там герой был пьяница и бездельник.

А н д р е й. А вы – труженица... (*пытается улыбнуться*).

Т о н ь к а. Вы можете не острить?

А н д р е й. Могу. Тогда расскажите про его роман «Игрок».

Т о н ь к а. Почему именно про этот?

А н д р е й. Потому что вы тоже игрок.

Т о н ь к а. С чего вы взяли?

А н д р е й. Когда вы доставали из вашей прелестной сумочки скульптуру, из нее случайно выпала фишка казино... (*извлекает из кармана фишку, протягивает Тоньке*). Азарт... Миром правит азарт.

Т о н ь к а. Я должна оправдываться?

А н д р е й. Нет, конечно. Это ваша жизнь, ваша игра... (*как бы в бреду*). Расскажите что-нибудь... про его роман «Игрок».

Т о н ь к а (*смачивает носовой платок водой, прикладывает ко лбу Андрея*). Я понятия не имею, что вам рассказать. Про Висбаден вы, наверно, знаете, а все остальное – обыкновенная школьная программа...

А н д р е й. Я плохо учился в школе. Мне было неинтересно. Я сидел на последней парте и рисовал.

Т о н ь к а. И что же вы рисовали?

А н д р е й. Любовь. А потом шел домой, и пытался лепить ее из пластилина.

Т о н ь к а. Ну, раз вы такой большой знаток любви во всех жанрах, я процитирую одно письмо: «...При конце романа «Игрок» я заметил, что стенографистка моя меня искренно любит, хотя никогда не говорила об этом, а мне она всё больше и больше нравилась. Так как со смерти брата мне ужасно скучно и тяжело жить, то я и предложил ей за меня выйти. Она согласилась, и вот мы обвенчаны. Разница в годах ужасная (20 и 44), но я всё более и более убеждаюсь, что она будет счастлива. Сердце у ней есть, и любить она умеет».

А н д р е й. Любовь от скуки?

Т о н ь к а. Любовь до гроба. Буквально.

А н д р е й. А вы?

Т о н ь к а. Что?

А н д р е й. Любить умеете? Или вы любовь до гроба в гробу видали?

Т о н ь к а. При чем здесь я?

А н д р е й. Абсолютно ни при чем. Это только в пластилине все красиво и стройно. А в жизни, детка, все иначе... Такая вот аксиома.

Т о н ь к а. В жизни все и у всех по-разному. Я вам только что письмо прочитала, а вы мне про аксиому.

А н д р е й. Вы знаете, что такое «никогда»?

Т о н ь к а. Я не понимаю вас.

А н д р е й. Никогда – это разбитая тарелка, вчерашний день, прошлогодний снег, и те самые съеденные конфеты из вазы. Вы – слуга своей последней электрички, сейчас уйдете, и мы больше никогда не увидимся. За вами захлопнется дверь, и этот звук станет последним для меня. А вы даже не обернетесь... Мы будем жить на противоположных концах города, в разном ритме, и никогда не впишемся в один график. И даже, если я когда-нибудь позвоню, мои слова будут всего лишь короткими гудками, вы повесите трубку и пойдете дальше – встречаться с кем-то на бескрайних простынях далеких кроватей... А что останется мне? Смотреть в ночное небо на пустые ковши Медведиц? Потому что все, что я теперь ни придумаю, все, что ни нарисую, это будете вы – за краем холста... Вам не страшно от этой мысли? Почему вы молчите? Ну, сожмите хоть что-нибудь, в конце концов!

Звонок в дверь, Тонька бежит открывать. На пороге врачи скорой.

Т о н ь к а. Он там, ему плохо!

П е р в ы й в р а ч. Я слышу, чего вы кричите?

В т о р о й в р а ч (*подходя к Андрею, обращается к Тоньке*). Температура есть?

Т о н ь к а. Я не знаю. Наверное... Он бредит!

П е р в ы й в р а ч. Наверное? Вы что – пришли, когда он уже на полу лежал?

Т о н ь к а. Нет, я... Я сама... В общем, ему сделали какой-то укол...

В т о р о й в р а ч. Кто сделал? Какой укол?

Т о н ь к а. Снотворное. Но мне его тоже вкололи. Я в порядке, а вот ему плохо стало...

П е р в ы й в р а ч. Вы уверены, что это было снотворное?

Т о н ь к а. Ну, да. Мы же вместе заснули, потом проснулись...

П е р в ы й в р а ч. Девушка, вы врач?

Т о н ь к а. Нет. Я искусствовед.

П е р в ы й в р а ч. Понятно. *(Второму врачу)*. Давай носилки.

Врачи переключаются на Андрея на носилки. Первый врач достает из его кармана удостоверение.

П е р в ы й в р а ч. Союз художников России... Ясно...

Т о н ь к а. А в какую больницу вы его отвезете?

П е р в ы й в р а ч. В Мариинскую.

В т о р о й в р а ч. А вы не хотите сдать анализы? Я, например, не уверен, что вам кололи снотворное.

Т о н ь к а. Если мне будет плохо, я вас вызову.

П е р в ы й в р а ч. Ну-ну... *(достает тетрадь)*. Распишитесь.

Врачи поднимают носилки, уносят Андрея. Тонька остается одна. Бродит по мастерской, в которой совсем нечего рассматривать, кроме пресловутого памятника... Достает айфон, набирает Мишу.

Т о н ь к а. Мишань? Да, я очухалась. Премного тебе благодарна! Ты прям медбрат из «Красного креста». Послушай, ты, химик хренов! Что ты вколол Андрею? Что? Снотворное? Ага, как же! Почему спрашиваю? Потому что сейчас сюда неотложка приезжала. Они его на носилках унесли. Я не знаю. Вот иди и посмотри, что на этой чертовой ампуле написано. Да мне по фиг! *(пауза)*. Снотворное? Врешь, скотина! Тогда почему ему так резко поплохело? Не в курсе! Ладно, живи, специалист! *(вешает трубку)*. Надо что-то делать... Надо что-то делать... Надо узнать телефон больницы! *(возится с айфоном – смотрит в интернете номер)*. Есть! *(набирает)*. Алло, справочная? К вам только что привезли Андрея... Господи, как же его... *(лихорадочно ищет свою сумку, вынимает оттуда скульптуру Достоевского, рассматривает постамент)*. Ну, же! *(себе)*. На скульптуре должна быть фамилия... Борисов! Андрея Борисова привезли! С Тихорецкого проспекта. Я кто? М-м-м... Жена, разумеется! Как что? Жена имеет право знать... Что?! Как... не довезли?! Сердце?!

Тонька роняет айфон, закрывает глаза, плачет. Звучит музыка – та, что написана для птицефабрики. Тонька медленно надевает на шею золотую сумку – делает жест, как будто хочет удавиться длинным ремешком. Подходит к памятнику, ложится, сворачиваясь калачиком...

Занавес